

Бояркина О.А.

DOI: 10.7256/2305-560X.2016.1.17897

ЭВОЛЮЦИЯ АМЕРИКАНСКОЙ СТРАТЕГИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. В статье рассматривается новая тактика внешнеполитической стратегии США в отношении центральноазиатских государств в контексте изменения международной геополитической обстановки, а также усиления позиции России на мировой арене. Предметом исследования является влияние американской геополитической стратегии на состояние и развитие межгосударственных взаимоотношений Соединенных Штатов с государствами Центральной Азии, а также политическую стабильность в данном регионе. Дается оценка американской тактике «непубличной дипломатии» и новому формату межгосударственного взаимодействия США-Центральная Азия. В статье используются историко-политологический подход, сравнительный метод, системно-функциональный метод, а также ивент-анализ к рассмотрению к внешнеполитической деятельности США в Центральной Азии. Автор приходит к выводу, что США стремятся усилить свои позиции в Центральной Азии, предложив государствам данного региона новый формат международного взаимодействия. Принимая во внимание возросшую стратегическую значимость Центральноазиатского региона, а также успехи российской дипломатии и усиление политического влияния России в мире, США на сегодняшний день рассматривают более пристально Центральноазиатский регион как стратегически важный для реализации своих национальных интересов.

Ключевые слова: международные отношения, внешнеполитическая стратегия США, национальные интересы, Большая Центральная Азия, Новый Шелковый путь, политическая стабильность, национальная безопасность, Центральноазиатский регион, российская дипломатия, формат C5+1.

Abstract. The paper considers the new tactics of the U.S. foreign policy strategy in relation to Central Asian states in the context of the change of the international geopolitical situation and the strengthening of Russia's position on the global scene. The research subject is the influence of the American geopolitical strategy on the condition and development of state-to-state relations of the U.S. and Central Asian states and political stability in this region. The author evaluates the American tactics of "nonpublic diplomacy" and the new form of state-to-state interaction between the United States and Central Asia. The author applies the system-functional approach and event-analysis of foreign policy activities of the United States in Central Asia. The author concludes that the U.S. are aspiring to strengthen their positions in Central Asia, offering the states the new format of international interaction. Taking into account the increased strategic importance of Central Asian region and the successes of Russia's diplomacy and the increase of Russia's political influence in the world, the United States consider Central Asia as a strategically important region for implementing their national interests.

Key words: international relations, U.S. foreign policy strategy, national interests, Big Central Asia, New Silk Road, political stability, national safety, Central Asian region, Russia's diplomacy, C5+1 format.

Американские стратегии национальной безопасности периода 1991-2015 гг., как известно, не предоставляли Центральной Азии (ЦА) статуса приоритетного региона, стратегически важного для национальных интересов США.

Однако ряд факторов заставил Штаты пересмотреть свою стратегию в Центральноазиатском регионе (ЦАР): это и необходимость сохранения своего присутствия в регионе в связи с ситуацией в стратегически важном Афганистане, и возможность оказания политического влияния на КНР вследствие ее быстро растущей экономической и политической мощи посредством установления контроля над центральноазиатскими государствами, и опасность формирования тесных партнерских отношений между Россией и Китаем и их

возможного последующего оформления в антизападный блок. Это объясняет стремление США расширить и закрепить свое присутствие в регионе, создавая военные базы в странах ЦАР под лозунгами борьбы с терроризмом.

В конце октября 2014 г. ввиду вышеперечисленных факторов Агентством по международному развитию (USAID) была анонсирована новая пятилетняя программа (2015-2019), предусматривающая изменение американской стратегии в ЦАР. [1] В новой стратегии отмечается, что ошибочным было бы оценивать стратегическую значимость региона лишь сквозь призму афганского фактора. Кроме того, по мнению авторов стратегии, вследствие агрессивных действий России на постсоветском пространстве встал вопрос о территориальной целостности ЦАР. По словам помощника

госсекретаря США по делам Южной и Центральной Азии Р. Хоугланд в ходе специальной конференции в Вашингтоне, состоявшейся 30 марта 2015 г., политически стабильная Центральная Азия могла бы стать надежным «причалом» для политически нестабильных стран, таких как Афганистан и Пакистан. В свою очередь, политическая стабильность и устойчивость в регионе может быть достигнута лишь на основе экономического прогресса центральноазиатских стран. Таким образом, более стабильная и безопасная Центральная Азия будет способствовать укреплению безопасности Соединенных Штатов. Р. Хоугланд также отметил, что «непубличная дипломатия» может стать эффективным инструментом американской политики в Центральной Азии.

Цель новой тактики состоит в выстраивании тесных отношений с центральноазиатскими элитами и формировании среди них групп, лояльных демократическим западным ценностям. Через такие элитгруппы планируется транслировать позицию США на лиц, принимающих решения в регионе. Новая американская стратегия также предполагает укрепление регионального сотрудничества по ряду вопросов (торговым, политическим, водно-энергетическим и другим).

В целом необходимо отметить, что в обновленной стратегии меняется лишь общий подход, предполагающий больше диалога с элитами центральноазиатских государств, ранее же поставленные цели не изменяются.

Свои цели США пытаются реализовать посредством концепций «Большой Центральной Азии» и «Нового Шелкового пути», направленных на геополитическую переориентацию системы торговых и экономических связей центральноазиатских государств на южное направление, вытесняя, таким образом, Россию (и Иран) из системы транзитных маршрутов.

Еще в 2005 г. Фредериком Старром, директором Института Центральной Азии и Кавказа при Университете Дж. Хопкинса, была выдвинута концепция «Большой Центральной Азии» (БЦА), «создание Партнерства по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии (ПБЦА), регионального форума по планированию, координации и осуществлению целой серии программ США».[2] В рамках этого проекта предполагалось создать энергосистему, которая бы объединяла Центральную и Южную Азию. При этом Афганистану была отведена особая роль: именно он должен был связать эти регионы. Проект БЦА предусматривал сосредоточение энергоресурсов ЦАР (туркменского газа, казахской нефти, гидроресурсов Таджикистана и Киргизстана) в направлении Пакистана, Афганистана, Индии. В конечном счете, реализа-

ция данного проекта позволила бы США всецело закрепить свое влияние в регионе, и вывести государства Центральной Азии из-под контроля России и Китая.

Идея БЦА имела значительное влияние на официальный Вашингтон, о чем свидетельствует реорганизация Госдепартамента США в 2005 г. и создание специального отдельного Бюро по делам Южной и Центральной Азии. Проект БЦА отражает внешнеполитическое видение США, при котором Центральная Азия рассматривается как регион, политически и культурно более близкий Афганистану и Пакистану, нежели другим славянским постсоветским государствам, что, в свою очередь, позволяет washingtonским аналитикам утверждать о периферийной роли России в Центральной Азии и ее постоянном снижении.[3-5]

Так, помощник госсекретаря США по делам Средней Азии Р. О. Блейк в своем выступлении о приоритетах администрации Обамы в Южной и Центральной Азии в январе 2011 г. отметил, что Центральная Азия находится на пересечении стратегически важных дорог, соединяющих Афганистан, Китай, Россию, Индию и Иран. Поэтому в случае занятия США ключевых позиций в ЦА кольцо американского господства над Ближним, Средним Востоком и Центральной Азией замкнется, США получат полный доступ к энергетическим ресурсам ЦАР. Сегодня отдельные американские компании (AES corporation и др.) принимают активное участие в возведении линий электропередач в южном направлении (Афганистан-Пакистан), предлагают консультации странам ЦАР по энергетическим вопросам. В дальнейшем БЦА смогла бы стать своего рода мостом между Ближним Востоком и Юго-Восточной Азией, полностью подконтрольными США. Учитывая, что данный проект был рассчитан на скорое окончание военных действий в Афганистане и в связи с их интенсификацией, многие экономические программы, в т. ч. в сфере транспорта и логистики, остались нереализованными.

На этом фоне Фредериком Старром совместно с Эндрю Качинсом в конце 2009 г. была разработана другая геополитическая концепция, – «Нового шелкового пути».[6] Ведущая роль также уделяется Афганистану, который должен вернуть свою историческую роль региона, находящегося на перекрестке торговых и экономических путей новой сети, став «круговой развязкой на Новом шелковом пути от Индии до Юго-Восточной Азии, с шоссе и железными дорогами, ведущими на север, юг, восток и запад». При этом роль России и Китая как значимых игроков в ЦАР полностью не исключается.

В целом проект «Нового шелкового пути» ставит менее амбициозные цели, чем БЦА, имеет более конкретные задачи, – стабилизацию ситуации в Афганистане и укрепление американского влияния в регионе после вывода сил международной коалиции в 2014 г.

Надо отметить, что проект «Нового шелкового пути» реализуется администрацией Обамы. Примером тому служит создание «Северной распределительной сети», транспортной инфраструктуры в северном и северо-западном направлениях в ЦА. Прокладка новых железных дорог по европейскому стандарту, т. е. с более узкой колеей, чем российские, будет способствовать отделению центральноазиатских стран от России, что, безусловно, идет в разрез с российскими национальными интересами. Кроме того, в ходе телефонной конференции из Вашингтона с пятью центральноазиатскими странами, состоявшейся в августе 2015 г., помощник госсекретаря США по вопросам Южной и Центральной Азии Ниша Дезай Бисуал подтвердила, что в настоящее время США проводят активные работы по осуществлению инициативы «Новый Шелковый путь», призванной устранить межгосударственные торговые барьеры и содействовать экономическому сотрудничеству между Афганистаном, с одной стороны, и Центральной и Южной Азией, с другой.

При этом, однако, не принимается во внимание демографический фактор. Население Афганистана растет быстрыми темпами. Так, если в 1960 г. численность населения составляла около 8,9 млн. человек, то в 2015 г. эта цифра уже достигла 32,5 млн. человек. Также ожидается рост населения в Центральной Азии: в одном только Казахстане к 2100 г. численность населения по сравнению с 2015 г. увеличится на 7,1 млн. человек. Кроме того, нужно учитывать рост населения в Южной и Юго-восточной Азии, что приведет к миграции в северном направлении через ЦА, и далее – Россию, Европу. По сути, то, что сегодня происходит в Европе, где идет уже не управляемый приток мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки, можно прогнозировать в будущем и для Центральной Азии.

В американском проекте «Нового шелкового пути» среди центральноазиатских стран США делают ставку на Узбекистан. Еще Зб. Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска» сформулировал тезис о ключевом геополитическом положении Узбекистана в Центральной Азии. [7] Действительно, Узбекистан, с советских времен борющийся с Казахстаном за региональное доминирование, вероятно, будет стремиться сохранить такое лидерство. Свидетельством тому

является строительство Узбекистаном афганской железной дороги Хайратон-Мазари-Шариф. Фактически, Узбекистан сегодня является единственным центральноазиатским государством, обладающим железнодорожным сообщением с Афганистаном. В конце октября 2015 г. гендиректором Азиатского Банка Развития было предложено Ташкенту, Ашхабаду, Кабулу и Тегерану завершить совместными усилиями строительство железной дороги Узбекистан-Афганистан-Иран. В результате Узбекистан сможет получить доступ через Афганистан в Иран, к порту Бендер-Аббас, что будет способствовать экономическому развитию и политическому усилению Узбекистана в регионе.

По замыслу Вашингтона, «Северный железнодорожный маршрут» в Афганистане позволит создать новый железнодорожный коридор для центральноазиатских государств, что, в свою очередь, должно освободить эти республики от односторонней ориентации на Москву и Пекин, диверсифицировать их международное сотрудничество. В целях дальнейшего закрепления американского присутствия в Центральной Азии, сегодня Соединенными Штатами предложен новый формат международного взаимодействия с центральноазиатскими государствами, – «С5+1».

В конце октября-начале ноября 2015 г. впервые состоялся визит госсекретаря США во все пять ЦА стран. В Самарканде по итогам встречи министров иностранных дел Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Туркмении была подписана совместная декларация по углублению сотрудничества США и стран ЦА.

Пресс-служба госдепартамента США, цитируя Дж. Керри, отмечает, что сотрудничество будет осуществляться по широкому кругу вопросов, включая борьбу с торговлей людьми, незаконным оборотом наркотиков, вопросы безопасности в Афганистане, а также экономическому сотрудничеству.

Цель нового формата заключается в расширении уже имеющихся двусторонних контактов США с республиками ЦА. Очевидно, что степень эффективности данной инициативы оценивать пока преждевременно. Однако есть основания полагать, что активизация американской стратегии и формат «С5+1» в ЦА выдвинута в противовес усилению российского политического влияния на международной арене (Сирия, Иран). Таким образом США пытаются нивелировать успехи российской дипломатии в ЦА, издавна являющейся зоной российских стратегических интересов, т. н. «мягким подбрюшьем» России. Потеря военных баз в ЦАР, активное сотрудничество стран ЦА в рамках интеграционного проекта Евразийского экономического союза наряду с

военно-политическим сотрудничеством в рамках ОДКБ, – все эти факторы, безусловно, не могут не вызывать беспокойство госдепа. Визит госсекретаря в ЦА можно расценивать как фактическое заявление о том, что ЦА является зоной интересов не только Российской Федерации. Так, еще в 1997 г. госсекретарь США М. Олбрайт отмечала, что США необходимо управлять процессами, происходящими после распада Советского Союза. Примечательно также заявление от 2002 г. госсекретаря К. Пауэлла на заседании Комитета по международным отношениям Палаты представителей Конгресса США, в котором он высказался о долгосрочном американском военном присутствии в Центральной Азии, о котором ранее Штаты и не мечтали.

А в ноябре 2003 г. в одном из документов, предложенных представителями НАТО на рассмотрение и обсуждение Постоянному парламентскому комитету Россия – НАТО, отмечалось, что Центральная Азия, ранее традиционно рассматриваемая как зона российского влияния, сегодня представляет собой регион, который вызывает интерес как у Европы, так и у Североатлантического альянса.[8]

В целом, визит Дж. Керри представляет собой хорошо проработанный дипломатический ход США. Как показывает статистика, каждые четыре года госсекретарь очередной администрации США обязательно наносит визит в Центральноазиатский регион: так, в 2005 г. К. Райс посетила Казахстан, Таджикистан и Киргизию, в 2010-2011 гг. Х. Клинтон была с визитом в Казахстане, Киргизии, Узбекистане и Таджикистане.

Официальная поддержка проводимой центральноазиатскими странами «многовекторной» политики, вовлекающей в регион все большее количество внешних игроков, приводит к тому, что государства региона предпочитают выстраивать политические и экономические отношения с третьими странами. На сегодняшний день предпосылки к региональной консолидации отсутствуют, очевиден дефицит стратегического взаимодоверия между лидерами ЦАР.

В условиях геополитической турбулентности американское присутствие в регионе представляется дестабилизирующим фактором. В этой связи активизация американской политики в ЦА вызывает опасения, т. к. США стремятся к переформатированию региона. Превалирование американских политических амбиций и преследование своих геополитических целей неизбежно приведут регион к фрагментации. В международной практике мы имеем уже немало примеров американского разрушительного влияния на легитимные государственные режимы в Ливии, Ираке,

Сирии, а также постсоветских странах – Грузии, Украине. Везде, где вмешиваются США с попыткой насадить демократические ценности извне, особенно в странах, с исторически устоявшимися авторитарными режимами, как правило, заканчиваются беспорядками и хаосом. Так случилось на Ближнем Востоке, который сегодня «взорван». На очереди Центральная Азия.

Помощник госсекретаря США по вопросам Южной и Центральной Азии Ниша Дезай Бисуал в ходе беседы ясно отметила, что США проводят в ЦАР политику, в основе которой лежит защита своих интересов и ценностей, заявив, что «не собирается извиняться за политику США в Центральной Азии». По ее словам, официальный Вашингтон осознает, что каждое государство региона идет по своей траектории развития, однако полагает, что такая траектория должна вести только в одну сторону – в сторону демократического прогресса, потому что эти принципы универсальны». Вот только цена такой демократизации высока.

Как известно, основные цели революционных «демократических» преобразований в Египте в 2011 г. заключались в снижении высокого уровня безработицы, бедности среди детей, искоренении коррупции. Получилось ли излечить эти недуги при помощи египетской «арабской» весны? Достаточно сравнить данные за пять лет. Так, с 2010 г. по 2015 г. уровень безработицы вырос с 8,9% до 12,8%. Если в 2010 г. за чертой бедности находилось 26,4% детей, то в 2015 г. – 28,8%.[9] По этим показателям Египет вошел в пятерку самых депрессивных стран.

Сегодня, когда США нуждаются в Узбекистане как в военном партнере, вопросы с положением прав человека в этой стране США предпочитают не поднимать. Так, во время визита Дж. Керри в Самарканд, глава госдепа был весьма осторожным в своих заявлениях, касающихся соблюдения прав человека в Узбекистане, в одном из самых репрессивных режимов в мире.

Думается, что новая тактика «непубличной дипломатии» вряд ли улучшит ситуацию с соблюдением демократических прав и свобод в ЦАР и изменит подход США, прочно основанный на принципе двойных стандартов, при котором неудобные вопросы замалчиваются, если дело касается стратегических партнеров Соединенных Штатов. Таким образом, оказавшись перед необходимостью пересмотра своей стратегии в ЦА, Штаты впервые решают действовать исключительно в рамках Центральноазиатского региона. Данный шаг свидетельствует о стремлении США стать полноценным игроком в ходе соперничества с Россией и Китаем в ЦАР.

Библиография:

1. Стратегия регионального сотрудничества в области развития на 2015-2019 гг. Central Asia, USAID, октябрь 2014 г.
2. S. Frederick Starr. A Partnership for Central Asia // Foreign Affairs. – Vol. 84, no. 4 (July/Aug. 2005), p. 164-178.
3. Barnett Th. The Pentagon's new map: War and Peace in the Twenty-First Century. New York: Berkeley Books, 2004.
4. Seiple Ch. Uzbekistan: Civil Society in the Heartland // Orbis. Spring 2005. p. 246.
5. Rumsfeld D. Annual Report to the President and to Congress. Washington: Department of Defense, 2002. p. 87.
6. Starr S.Frederick and Kuchins Andrew C. The Key to Success in Afghanistan: A Modern Silk Road. Central Asia-Caucasus Institute Silk Road Studies Program, 2010. p. 27.
7. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 61.
8. NATO-Russia Parliamentary Standing Committee. Discussion Paper II. Combating Terrorism: The Increasing Strategic Relevance of Post-Soviet Central Asia. Orlando, Florida, United States. 2003. 7 November. p. 5-6.
9. Малышева Д. Б. Восточная турбулентность // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 10. С. 113-118.

References (transliterated):

1. Strategiya regional'nogo sotrudnichestva v oblasti razvitiya na 2015-2019 gg. Central Asia, USAID, oktyabr' 2014 g.
2. S. Frederick Starr. A Partnership for Central Asia // Foreign Affairs. – Vol. 84, no. 4 (July/Aug. 2005), p. 164-178.
3. Barnett Th. The Pentagon's new map: War and Peace in the Twenty-First Century. New York: Berkeley Books, 2004.
4. Seiple Ch. Uzbekistan: Civil Society in the Heartland // Orbis. Spring 2005. p. 246.
5. Rumsfeld D. Annual Report to the President and to Congress. Washington: Department of Defense, 2002. p. 87.
6. Starr S.Frederick and Kuchins Andrew C. The Key to Success in Afghanistan: A Modern Silk Road. Central Asia-Caucasus Institute Silk Road Studies Program, 2010. p. 27.
7. Bzhezinskii Zb. Velikaya shakhmatnaya doska. M., 1998. С. 61.
8. NATO-Russia Parliamentary Standing Committee. Discussion Paper II. Combating Terrorism: The Increasing Strategic Relevance of Post-Soviet Central Asia. Orlando, Florida, United States. 2003. 7 November. p. 5-6.
9. Malysheva D. B. Vostochnaya turbulentsnost' // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. № 10. С. 113-118.